

Я. Г. СОЛОДКИН

По поводу атрибуций Пискаревского летописца

Пискаревский летописец начала XVII в. является одним из крупнейших памятников позднего русского летописания. Его начальная часть (с древнейших времен до 1533 г.) и ряд последующих статей основаны на тексте Воскресенской или близкой к ней летописи, а дальнейшее повествование, кончая известиями за 1614 г. (с приписками — за 1645 г.), представляет собой компиляцию, восходящую к разнообразным, в том числе устным, источникам.¹ Из Пискаревского летописца исследователи широко черпают сведения о событиях середины XVI—начала XVII в. Но при очевидной ценности этого памятника как исторического источника многие проблемы его возникновения еще ждут решения. В их числе вопрос об авторе (или составителе) произведения, затронутый М. Н. Тихомировым и специально рассмотренный в статье И. Б. Грекова.

Пискаревский летописец дважды сообщает о книгопечатании, почему М. Н. Тихомиров говорит о связи его составителя с Печатным двором. Ученый сопоставляет этот летописец со «Сказанием о воображении книг печатного дела», согласно которому московские печатники, в том числе Н. Ф. Фофанов, бежали из оккупированной польско-литовскими войсками столицы в Нижний Новгород. По мысли М. Н. Тихомирова, из их числа, вероятно, и вышел составитель Пискаревского летописца, рассказ которого о событиях 1612—1615 гг. якобы заставляет предполагать, что его автор жил тогда вне Москвы. М. Н. Тихомиров ссылается и на заключение М. В. Щепкиной, по которому рукопись летописца подобрана из листов казенной бумаги (ее насчитывается более 20 сортов). Исследователь находит, что автор летописной записи о К. Минине видел его (вероятно, в Нижнем Новгороде). Отсюда М. Н. Тихомиров делает вывод о возникновении памятника в среде печатников, а его автором предположительно называет Никиту Фофанова.²

Аргументация М. Н. Тихомирова представляется далеко не бесспорной. Как установила Т. В. Дианова, список Пискаревского летописца относится к 40-м гг. XVII в.³ Следовательно, вопрос о бумаге рукописи произведения

¹ См.: (Яковлева О. А.). Пискаревский летописец // Материалы по истории СССР. М., 1955. Т. 2. С. 7—16; Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 232—247; Буганов В. И. Предисловие // ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 3—5. Статья М. Н. Тихомирова о Пискаревском летописце впервые была опубликована в 1957 г.

² Тихомиров М. Н. Русское летописание. С. 246—247. — Описанные в летописце под 7123 г. события относятся к 1614, а не к 1615 г.

³ Дианова Т. В. К вопросу о времени создания рукописи Пискаревского летописца // Летописи и хроники. 1976 г. М. Н. Тихомиров и летописцеведение. М., 1976. С. 143—147. — Предположение М. Н. Тихомирова, будто автор летописца вышел из среды печатников, кажется исследовательнице тем более вероятным, что в рукописи памятника есть заставки, употреблявшиеся на Московском Печатном дворе в 1616—1651 гг. (Там же. С. 147, примеч. 16). Однако, во-первых, эти заставки широко использовались на протяжении трех с половиной десятилетий, а, во-вторых, список Пискаревского летописца был сделан значительно позже создания произведения.

не имеет прямого отношения к определению той среды, где сложился летописец. Его составитель хотя и знал о книгопечатании, куда большую осведомленность обнаружил в строительстве и металлургии.⁴ Сообщение Пискаревского летописца о Минине не дает оснований полагать, что оно принадлежит человеку, видевшему руководителя ополчения. Согласно летописцу, живший в Нижнем Новгороде смысленный и речистый торговец Минин призвал к очищению страны от интервентов и начал организовывать освободительную рать.⁵ Создание ополчения освещено в летописце далеко не так, как следует ожидать от очевидца событий. К тому же Фофанов уже в мае 1614 г. находился в Москве.⁶ Он был псковичом по происхождению. Между тем в Пискаревском летописце не обнаруживается интереса к Пскову, за исключением разве указаний на пребывание там Грозного с опричным войнством и перевод оттуда в Москву в 1599—1600 гг. трех стариц для устройства богоделен «по псковскому благочинию» (191, 202). М. Н. Тихомирову остались неизвестны сочинения Фофанова: предисловия и послесловия к изданным книгам, а также небольшое произведение о Смуте — единственный известный памятник, выпедший из нижегородской типографии в конце 1613 или начала 1614 г.⁷ Сравнение этих сочинений с Пискаревским летописцем показывает, что они едва ли составлены одним лицом. Если, как заметил М. Н. Тихомиров, в летописце остро чувствуется московский говор XVII в. с сильно выраженным «аканьем», «живая, почти простонародная речь»,⁸ то Фофанов писал витиеватым языком, и порой его сочинения напоминают псалмы и церковные песнопения. По наблюдениям А. С. Зерновой, Фофанов нередко «черпает образы, сравнения и целые фразы из священного писания, преимущественно из псалтыри», причем постоянно допускает грамматические ошибки.⁹ В небольшом по объему нижегородском памятнике дважды встречаем противопоставление плевел и пшеницы. Этот литературный образ (к нему, кстати, прибегает патриарх Гермоген¹⁰) в Пискаревском летописце отсутствует. Иерархов церкви Фофанов именует «духоносными отцами»;¹¹ в летописце такого выражения не находим. Главным содержанием Смуты предстает под пером Фофанова иноземная интервенция, в то время как в летописце основное внимание уделено внутренним «нестроениям». оплакивая разорение страны в начале XVII в., Фофанов преимущественно касается «погибели» веры; летописца же не в меньшей мере волнуют светские сюжеты. Далее, Фофанов не является вполне самостоятельным автором. Он широко использует прибавления к Острожской библии, заимствования из которых в нижегородском памятнике, например, превышают десятую часть его объема.¹² Наконец, Фофанову свойственна склонность к философско-историческим обобщениям¹³ (разумеется, провиденциалистического характера), чего нельзя сказать о составителе Пискаревского летописца.

Итак, мнение М. Н. Тихомирова, что Пискаревский летописец создан в кругу печатников, возможно Н. Ф. Фофановым, нельзя признать обоснованным.

⁴ См.: Яковлева О. А. 1) Материалы по истории русской техники в Пискаревском летописце // Изв. АН СССР. Отд-ние техн. наук. 1951. № 4. С. 618—626; 2) Материалы по истории русской техники в неопубликованной летописи первой четверти XVII века // Труды по истории техники. М., 1953. Вып. 3. С. 115—128.

⁵ ПСРЛ. Т. 34. С. 217 (далее при ссылках на это издание памятника страницы указываются в тексте).

⁶ См.: Зернова А. С. Памятник нижегородской печати 1613 года // Сборник Публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. М., 1928. Т. 1. С. 67.

⁷ См.: Там же. С. 57, 62—64, 71, 75—77, 84—98.

⁸ Тихомиров М. Н. Русское летописание. С. 232, 246.

⁹ Зернова А. С. Памятник. . . С. 63, 75, 77, 78.

¹⁰ См.: ААЭ. СПб., 1836. Т. 2. № 58.

¹¹ Зернова А. С. Памятник. . . Строки 19—33, 177—212 (факсимильное издание нижегородского памятника не имеет постраничной пагинации).

¹² См.: Зернова А. С. Памятник. . . С. 78—83.

¹³ Там же. С. 75—77.

И. Б. Греков в поисках автора (или заказчика, редактора) Пискаревского летописца исходит из идейной направленности произведения, его историко-политической концепции. По утверждениям исследователя, составитель памятника являлся апологетом сильного Московского государства в форме наследственной монархии, тесно связанного с Константинополем как мировым центром православия. Историю России автор якобы освещает в проконстантинопольском духе, чего требовала политическая конъюнктура начала XVII в. Он стремится доказать извечность союза Руси и «Царьграда». Сторонник тесных церковно-политических контактов Москвы и Константинополя, составитель Пискаревского летописца с этой точки зрения оценивает русскую историю и судит правителей России. Критериями похвал в адрес исторических деятелей оказываются служение «сильному православному царству» и забота о сохранении трона за правящей династией, осуждению же подлежат гонения на проконстантинопольски настроенных лиц.¹⁴ Подобное представление об историко-политических идеях Пискаревского летописца вызывает сильные сомнения. Не знаем, как И. Б. Грекову, но нам неизвестен ни один литературный памятник этого времени, ратующий за порывающее с православием слабое Московское государство с иной формой правления, нежели наследственная монархия. Составитель Пискаревского летописца ни разу не призывает, даже намеком, к церковно-политическому сотрудничеству с Константинополем. Непонятно, на чем основано утверждение И. Б. Грекова, будто в сознании летописца «Царьград» всегда выступал за сохранение в России наследственной монархии. Константинополь лишь дважды упоминается в оригинальной части Пискаревского летописца. В первый раз автор говорит о посылке туда Грозным гонцов Адашевых, но при этом речь идет о приеме их «царем» (т. е. султаном), а вовсе не православным патриархом. Сам этот факт служит для автора поводом к тому, чтобы рассказать о возвышении и падении А. Ф. Адашева (181—182), но не для апологетики московско-константинопольских связей.¹⁵ Вторично «Царьград» фигурирует в сообщении об учреждении патриаршества в России, причем ошибочно говорится об убийстве константинопольского патриарха «за то, что он на Москве потриарха поставил» (196).¹⁶ Безосновательно отнесение И. Б. Грековым к проконстантинопольски настроенным лицам Адашева, Сильвестра, митрополитов Иоасафа и Филиппа, Владимира Андреевича Старицкого, Марии Темрюковны, репрессированных при Грозном бояр.¹⁷ Неясно и то, почему ориентация на Константинополь была злободневной в начале XVII в.

Согласно И. Б. Грекову, в истории Руси автор Пискаревского летописца выделяет два этапа: с древнейших времен до 1431 г. (с пропуском Куликовской битвы) и 1533—1613 гг., игнорируя целое столетие. Исследователь признает, что такая периодизация может быть случайной из-за отсутствия у составителя соответствующих материалов. Но все же он склоняется к мысли о том, что пропущенные в летописце разделы не были созданы или оказались исключенными, так как эпоха Василия Темного и двух его пре-

¹⁴ См.: Греков И. Б. Об идейно-политических тенденциях некоторых литературных памятников начала XVII в. (Об авторе Пискаревского летописца) // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. // Под ред. Б. А. Рыбакова. М., 1976. С. 332—336, 338, 339, 352, 353.

¹⁵ Следовательно, нет оснований вслед за И. Б. Грековым говорить об интересе летописца к русско-константинопольским отношениям 30—50-х гг. XVI в.

¹⁶ Очевидно, это известие основано на слухах. Отметим, что «Царь-градом» в летописце называется и сооруженный при Федоре Ивановиче «град Каменной на Москве» (195).

¹⁷ Со ссылкой на Пискаревский летописец И. Б. Греков пишет об отравлении Марии Темрюковны (Греков И. Б. Об идейно-политических тенденциях... С. 336). Но в летописце передана и версия о естественной смерти второй жены Грозного (191).

емников заполнена русско-константинопольскими столкновениями.¹⁸ Однако составитель прямо пишет об утрате тетрадей «о Мамаевом побоище». Видимо, он не располагал и многими материалами за 30-е гг. XV—первую треть XVI в. (123, 166).¹⁹ К тому же о русско-византийских конфликтах неоднократно повествуется в начальной части летописца (27, 39—40, 44—45, 53—54, 64, 72—73). Вопреки утверждению И. Б. Грекова Василий III не воевал с Константинополем, а стремился поддерживать дружественные отношения с первым православным патриархом и Турцией.²⁰ Столкновение Василия III с Максимом Греком было вызвано не столько тем, что знаменитый публицист ратовал за подчинение Москвы «Царьграду» (в церковном отношении) и осуждал второй брак великого князя,²¹ сколько призывами к борьбе с Турцией,²² хотя, быть может, он не советовал воевать с турками именно Василию III.²³ Ошибочность тезиса И. Б. Грекова о враждебности русско-константинопольских отношений в XVI в. хорошо видна уже из обильно используемых им мемуаров грека Арсения Елассонского, бывшего накануне и в период Смуты архиепископом Архангельского собора московского Кремля.²⁴

Трудно судить, почему в свете намеченной И. Б. Грековым историко-политической концепции Пискаревского летописца объясним интерес его составителя к географии России и топографии Кремля, а также к строительному делу, книгопечатанию и металлургии. Не случайными кажутся исследователю якобы свойственные летописцу «повышенный интерес к исторической судьбе Архангельского собора» и многочисленные «эллинические» вкрапления, например частое употребление перед именем иерарха слова «кир».²⁵ Но проявляемый в Пискаревском летописце интерес к Архангельскому собору выражается только в регистрации фактов погребения Грозного, его братьев и сыновей, а также Бориса Годунова (подчас отмечено, где именно они были «положены»); кроме того, здесь читаем, что в день коронации Ивана IV осыпали «против Архангела . . . златыми деньгами», в 1582—1583 гг. «птица велика, галосиста» садилась «на церквах», в том числе «на Архангеле», а по распоряжению Федора Ивановича у собора «на площади начали делати избы дячьи каменные». В Пискаревском летописце пересказано и так называемое «Иное видение», случившееся «во Архангиле» (171, 178, 181, 194, 196, 197, 205, 214). Примечательно, однако, что о погребении князей в Архангельском соборе говорится и в начальной части памятника, а в приписке к нему читаем о похоронах там Михаила Федоровича в 1645 г. (107, 109, 112, 113, 139, 151, 158, 161, 164, 165, 167, 220, ср. 122). «Иное видение» передается и в других произведениях этого времени, а также известно в соединении со знаменитой «Повестью о видении некоему мужу духовну».²⁶ Так что едва ли вслед за И. Б. Грековым можно

¹⁸ См.: Греков И. Б. Об идейно-политических тенденциях. . . С. 333—334, примеч. — Далее, однако, читаем об отсутствии в Пискаревском летописце периодизации русско-константинопольских отношений (Там же. С. 353). — Исследователь, кстати, порой неточно пишет о русско-византийских связях применительно ко второй половине XV—XVI в.

¹⁹ Подробнее см.: Яковлева О. А.). Пискаревский летописец. С. 8.

²⁰ См.: Зимин А. А. Россия на пороге нового времени: (Очерки полигической истории России первой трети XVI в.). М., 1972. С. 151, 181, 197, 206, 267, 268, 270, 281—282 и др.; Синицына Н. В. Максим Грек в России. М., 1977. С. 61.

²¹ См.: Греков И. Б. Об идейно-политических тенденциях. . . С. 333, примеч.

²² См.: Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. . . С. 279—280, 293.

²³ См.: Синицына Н. В. Максим Грек в России. С. 142.

²⁴ См.: Дмитриевский А. А. Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его из русской истории. Киев, 1899. С. 75—86, 94, 227—228.

²⁵ Греков И. Б. Об идейно-политических тенденциях. . . С. 332, ср. с. 351.

²⁶ См.: Назаревский А. А. Очерки из области русской исторической повести начала XVII века. Киев, 1958. С. 143—145. — Автор не учел, что «Иное видение» отразилось и в псковском летописании (Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 267). По предположению О. А. Яковлевой, описание этого «видения» попало в другие произведения из Пискаревского летописца (Пискаревский летописец. С. 17, примеч. 1).

говорить об интересе Пискаревского летописца к Архангельскому собору. Учтем также, что о погребении царей в «Архангеле» и церемонии, предусмотренной чином коронации возле этого собора, говорится также в Сказании о смерти Федора Ивановича и воцарении Бориса Годунова, читаемом в некоторых списках разрядных книг, и Московском летописце²⁷ (230, 232, 235, 236, ср. с. 222). Что касается слова «кир» при наименовании иерархов церкви, то в Пискаревском летописце оно употребляется всего четыре раза — два в начальной части и два в заключительной, причем однажды — в приписке за 1625 г. (34, 73, 180, 220). Данный термин нередко встречается в памятниках XVI—XVII вв.²⁸ Судя по древнерусским «формулярникам», это слово являлось обычным обращением к патриарху.²⁹

С точки зрения И. Б. Грекова, воцарение Симеона Бекбулатовича в глазах летописца было, видимо, вариантом политической ориентации на Стамбул—Константинополь. Но вступление на московский престол татарского хана летописец объясняет лишь боязнью смерти «в том году», которую испытывал Грозный, либо его желанием узнать «про то» народную молву (192, ср. 194). Опричнину и смерть царевича Ивана Ивановича считал пагубными для Русской земли не только автор Пискаревского летописца,³⁰ но и дьяк Тимофеев.³¹ Многие публицисты начала XVII в. подобно составителю Пискаревского летописца обвиняют Бориса Годунова в гибели царевича Дмитрия и опале Ф. Н. Романова. И. Б. Греков допускает неточность, утверждая, будто царь Борис восхвалается в летописце за намерение выдать дочь за датского принца и посылку войск в Грузию.³² В Пискаревском летописце довольно равнодушно повествуется «о королевиче дацком», но в заключение автор сетует, что «по счету многие, безчисленные тысячи изошли в дары и в кормы, и на всякия обиходы его». Рассказав же о злосчастной «посылке в Грузинскую землю», он заявляет с осуждением, что до Годунова московские государи не отправляли войск в такие дальние страны и «казны своей на подмогу не даывали» (203, 204).

В представлении И. Б. Грекова Пискаревский летописец был адресован правящим кругам русского общества, светской и церковной верхушке, в частности окружению Михаила Федоровича, что доказывается фактом дополнения памятника в 30—40-х гг. XVII в. и его идейной близостью с Новым, Московским, Мазуринским летописцами и Сокращенным временником. И. Б. Греков отмечает, например, подчеркивание в Пискаревском и Московском летописцах родственных связей Михаила Романова с Иваном Грозным (через царицу Анастасию).³³ Но это свойственно также

В последнем, однако, как выяснил А. А. Назаревский, «Иное видение» представлено не в первоначальном виде. В публицистике Смутного времени не обнаруживается и знакомства с Пискаревским летописцем.

²⁷ См.: Б у г а н о в В. И. Сказание о смерти царя Федора Ивановича и воцарении Бориса Годунова: (Записи в разрядной книге) // Записки Отдела рукописей ГБЛ. 1957. Вып. 49. С. 174, 183, ср. с. 170.

²⁸ См.: Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции / Собрал и издал А. Попов. М., 1869. С. 92, 130, 206, 250, 315; Надписи Троицкой Сергиевой лавры, собранные архимандритом Леонидом. СПб., 1881. С. 12, 22; РИБ. 2 изд. СПб., 1909. Т. 13. Стб. 187; Правда Русская. М.; Л., 1940. Т. 1. С. 146; Разрядная книга 1550—1636 гг. М., 1976. Т. 2, вып. 1. С. 5, 44, 134, 163 и др.

²⁹ См.: Старинные «формулярники» // ЛЗАК. 1861 год. СПб., 1862. Вып. 1, отд. 2. С. 34.

³⁰ См.: Греков И. Б. Об идейно-политических тенденциях... С. 336.

³¹ См.: Временник Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951. С. 11, 19, 22, 173, 182, 185 (Литературные памятники).

³² Греков И. Б. Об идейно-политических тенденциях... С. 337. — Кстати, как тогда быть с проконстантинопольской настроенностью автора? Ведь желание Бориса Годунова выдать Ксению за датского королевича — явное уклонение в «латинство»!

³³ Греков И. Б. Об идейно-политических тенденциях... С. 339, 343—344, 349, 352—353, 355—356, примеч. 26.

«государеву разряду» 1636 г.³⁴ В других нарративных и документальных источниках подчеркнута родство Михаила Федоровича с Федором Ивановичем.³⁵ Поскольку (согласно И. Б. Грекову) Пискаревский летописец проповедует идею сильного «православного царства», его близость к другим названным летописным памятникам вполне естественна. Зато в фактографическом отношении он значительно расходится с ним. К тому же Мазуринский летописец не является вполне самостоятельным, он восходит к Новому летописцу ранней редакции,³⁶ а Сокращенный временник возник много позже Пискаревского летописца (не ранее середины XVII в.). Тезис И. Б. Грекова о целевом назначении Пискаревского летописца не подтверждается и фактом дополнения памятника, типичным для летописания. Далее, Пискаревский летописец подчас сообщает неблагоприятные для Романовых подробности. Здесь читаем, что Лжедмитрий I женил И. Н. Романова, присутствуя на свадьбе «в отцово место», и «поставил» Филарета ростовским митрополитом. При Михаиле Федоровиче об этом старались не вспоминать. Равнодушие к Филарету сквозит в рассказе о взятии тушинцами Ростова. Инициатором опричнины выставлен в летописце «злой человек» В. М. Юрьев (190, 207, 208, 215). Летописные известия об опале Бориса Годунова на «Никитичей» и воцарении Михаила Федоровича (202, 219—220) не позволяют, однако, повторить вслед за М. Н. Тихомировым, что Пискаревский летописец вышел из враждебной Романовым среды. Трудно согласиться и с утверждением исследователя, будто памятник возник в близких к Шуйским кругах.³⁷ В Пискаревском летописце налицо двойственное отношение к царю Василию,³⁸ отрицательные отзывы о И. В. и А. М. Шуйских (173, 179, 180, ср. 195, 216).

По мнению И. Б. Грекова, «наиболее вероятным . . . создателем, во всяком случае редактором или заказчиком Пискаревского летописца, был иерарх греческого происхождения и константинопольской выучки» Арсений Елассонский. Об этом якобы свидетельствует сопоставление летописца с мемуарами Арсения, выявляющее значительную концепционную общность и сходство фактического «багажа».³⁹ Ссылка И. Б. Грекова на совпадение хронологических рамок обоих произведений звучит не вполне убедительно, ибо заключительная часть мемуаров Арсения (начиная с описания «московского разрения» 19 марта 1611 г.) либо ему не принадлежит, либо кем-то редактировалась.⁴⁰ Пискаревский летописец подчас, действительно, близок к мемуарам Арсения по фактическому содержанию. В обоих произведениях отмечена уникальность царь-пушки,⁴¹ сказано про отливку

³⁴ Разрядная книга 1550—1636 гг. Т. 2, вып. 2. С. 265. — В Повести о победах Московского государства сказано, что Иван IV приходился Михайлу Федоровичу дедом. См.: Повесть о победах Московского государства. Л., 1982. С. 35, 40, 73, 78, ср. с. 36, 74 (Литературные памятники).

³⁵ См.: Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1. Стб. 14, 15, 35—36, 41—42, 49; Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова. М., 1906. С. 45, ср. с. 93; Б е л о к у р о в С. А. Разрядные записки за Смутное время (7113—7121 гг.). М., 1907. С. 23, 63—64; РИБ. Т. 13. Стб. 618—619, 706, 1319; З е р н о в а А. С. Памятник. . . Строки 114—177; Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955. С. 232 и след.; З и м и н А. А. Акты Земского собора 1612—1613 гг. // Записки Отдела рукописей ГБЛ. 1957. Вып. 19. С. 190—192 и др.

³⁶ С о л о д к и н Я. Г. По поводу «Истории о разорении Русском» Иова-Иосифа: (Заметки о летописании) // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 439.

³⁷ Т и х о м и р о в М. Н. Русское летописание. С. 246.

³⁸ См.: Г р е к о в И. Б. Об идейно-политических тенденциях. . . С. 337, 339.

³⁹ См.: Там же. С. 340, 344, 351. — И. Б. Греков датирует кончину Арсения апрелем 1626 г. Но, как уточнил А. А. Дмитриевский, он умер в 1625 г. См.: Д м и т р и е в с к и й А. А. Архиепископ Елассонский Арсений. . . С. 214—215.

⁴⁰ См. Д м и т р и е в с к и й А. А. Архиепископ Елассонский Арсений. . . С. 180—181, 183, 186, 192.

⁴¹ Правда, сравнение соответствующих рассказов летописца и Арсения едва ли позволяет подобно И. Б. Грекову говорить о почти текстуальном сходстве. Кстати, он вначале пишет об этом единственном примере текстуальной близости двух памятников, а затем уже о текстологических совпадениях. См.: Г р е к о в И. Б. Об идейно-политических тенденциях. . . С. 346, 351.

при царе Борисе двух больших колоколов для Москвы и Троице-Сергиева монастыря, поддержку «расстриги» Вишневецким, посылку Лжедмитрием I в Москву князей В. Голицына и В. Мосальского, проживание Марии Мнишек накануне свадьбы с Самозванцем у Марфы Нагой, взятие с царя Василия ограничительной записи, убийство Лжедмитрия II ногой-ским князем Петром Урусовым, согласно говорится о том, что польский король не дал войск «расстриге» (202, 206—207, 212, 213, 216).⁴² Но многие известия, встречаемые, по наблюдениям И. Б. Грекова, в Пискаревском летописце и мемуарах Арсения, находим и в других сочинениях начала XVII в. Так, о рождении царевны Феодосии читаем также в Повести о Федоре Ивановиче, «Ином сказании», во Временнике Ивана Тимофеева;⁴³ о перезахоронении праха Бориса Годунова в Варсонофьевском монастыре — в «Повести, како отомсти» и ее переработках, а также в Сказании о Гришке Отрешеве и так называемой Повести 1626 г.⁴⁴ Расправу Самозванца с семьей царя Бориса осуждают все писавшие об этом авторы.

При известном сходстве в фактическом содержании между Пискаревским летописцем и мемуарами Арсения наблюдаются существенные расхождения. Вопреки мнению И. Б. Грекова⁴⁵ летописец в отличие от Арсения не считает, что Русская земля поначалу принадлежала грекам, и не включает Польшу в состав Руси времен Владимира Святославича. Он только замечает, что Владимир взял ранее бывшие за «ляхами» «Перемышль, Червень и ины грады» (об этом говорится не в оригинальной части памятника). Арсений ошибочно пишет о покорении князем Владимиром Москвы, считает княгиню Ольгу его матерью (по летописцу, Владимир был внуком Ольги). Если верить Арсению, Владимир жил при византийском императоре Василии Македоняnine, согласно же летописцу — при Василии II и Константине VIII. Арсений утверждает, что первым русским митрополитом был Михаил, по летописцу им оказывается Леон (43, 47, 53, 56, ср. 63, 275, 281).⁴⁶ Арсений приводит явно легендарное известие о том, что Грозный еще при жизни оставил престол Федору Ивановичу и постригся в монахи. По его свидетельству, царевича Дмитрия отправили в Углич «синклит» и народ без государевой воли, согласно же летописцу туда «отпустил» брата Федор Иванович. Смерть последнего датирована авторами неодинаково (в летописце — 6 января 1598 г. «на ночь», у Арсения — 7 января). Они сообщают о создании серебряных рак для мощей святых Алексея, Василия, Макария и Пафнутия, но летописец относит это ко времени Федора Ивановича, а Арсений — к царствованию Бориса Годунова. Согласно Арсению, гонец М. И. Татищев был послан в Грузию для хлопот о браке царевича Федора, по летописцу — чтобы договориться об «обороне» тамошнего государя (195, 198, 199, 204).⁴⁷

Пожалуй, самое убедительное опровержение атрибуции И. Б. Грекова — это различие сведений двух памятников об учреждении патриаршества в России. Как очевидец Арсений подробно рассказал об этом в пу-

⁴² См.: Дмитриевский А. А. Архиепископ Елассонский Арсений. . . С. 97, 99, 108, 137, 145, 231. — Эти случаи сходства двух произведений, кроме первого, И. Б. Грековым не отмечены.

⁴³ См.: ПСРЛ. М., 1965. Т. 14. С. 16; РИБ. Т. 13. Стб. 98; Временник. . . С. 152, 329—330. Ср.: ПСРЛ. Т. 14. С. 45; Т. 34. С. 238. — В Пискаревском летописце сперва говорится, что Федор Иванович «бездетен был», а затем читаем о его дочери Феодосии (194, 198). Это лишний раз свидетельствует о компилятивности памятника.

⁴⁴ См.: Буганов В. И., Корецкий В. И., Станиславский А. Л. «Повесть, како отомсти» — памятник ранней публицистики Смутного времени // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 247; РИБ. Т. 13. Стб. 53, 160, 578, 651, 731, ср. стб. 535. См. также: ПСРЛ. Т. 34. С. 241; Корецкий В. И. «История Иосифа о разорении русском» — летописный источник В. Н. Татищева // ВИД. Л., 1973. № 5. С. 264.

⁴⁵ Греков И. Б. Об идейно-политических тенденциях. . . С. 344.

⁴⁶ См.: Дмитриевский А. А. Архиепископ Елассонский Арсений. . . С. 73, 74.

⁴⁷ См.: Там же. С. 76, 77, 95, 96, 228.

тевых записках и мемуарах.⁴⁸ В Пискаревском летописце о поставлении Иова на патриаршество говорится предельно кратко и, как мы помним, допущена грубая фактическая ошибка. Поддерживавший тесные сношения с православным Востоком, Арсений, конечно, не мог не знать, что на церковном соборе в Константинополе действия Иеремии в русской столице были одобрены.⁴⁹

Арсений контрастно изображает Лжедмитрия I и Лжедмитрия II,⁵⁰ тогда как составитель Пискаревского летописца единомыслен с русскими современниками в ненависти к самозванцам. По сообщению Арсения, при вступлении в Москву Лжедмитрий I посетил Архангельский собор, летописец же в данной связи говорит об Успенском и Благовещенском. Елассонский архиепископ уверяет, что «расстрига» вернул из ссылки четырех Романовых, согласно летописцу «ублюл бог» только трех из шести посланных. Инициативу женитьбы Самозванца на Марине Мнишек Арсений приписывает всем боярам, летописец — самому «расстриге». Очевидец свадебной церемонии, Арсений отрицает факт причащения «царя Димитрия» и Марины. Из летописца же следует, что Лжедмитрий I причастился, а Марина — нет. По данным Арсения, после убийства «расстриги» его труп лежал три дня, по летописцу — четыре (202, 207).⁵¹ И. Б. Греков сам указал на серьезную разницу свидетельств двух авторов о коронации Самозванца. На его взгляд, они терпимо относятся к патриарху Игнатию.⁵² Едва ли это можно сказать о летописце. Хотя он прямо не выражает своего отношения к Игнатию, неприязнь проступает довольно заметно. По словам летописца, Лжедмитрий I «погряху Иева согнал, а поставил Игнатия». Факт поставления этого «гречина» Самозванцем подчеркнут и в сообщении о патриархе Гермогене (207, 214).

Если в Пискаревском летописце избрание Шуйского на царство считается всенародным, то Арсений выдает его за дело рук москвичей. Оба автора расходятся и в датировке коронации Шуйского. Арсений упрекает царя Василия в том, что он не захотел жениться на Марине Мнишек, отчего якобы и потерял престол. Из летописца известно, что отпущенная из Москвы Марина была захвачена тушинцами и «назвала» Лжедмитрия II «прямым мужем». И. Б. Греков находит, что судя по Пискаревскому летописцу, Шуйский фактически содействовал передаче Марины «вору», т. е. «летописец инкриминирует царю Василию по существу ту же вину (что и Арсений. — Я. С.), но делает это не столь прямолинейно».⁵³ Исследователь допускает явную натяжку. У летописца нет и мысли о женитьбе Шуйского на «Маринке, которая была за Ростригою», он говорит о принятых царем Василием мерах предосторожности (Марину отпустили «около Москвы, потому что вор стоял в Тушине») и о том, что бывшую «царицу» «переняли» уже «на Белой».⁵⁴ Летописцу чужды и сомнения Арсения насчет того, добровольно ли Марина очутилась в «таборах» или была доставлена туда

⁴⁸ Там же. С. 78—86. См. также: (О г л о б л и н Н.). Арсений, архиепископ Элассонский и его «Описание путешествия в Московию» // Ист. библиотека. 1879. № 9. С. 48—74.

⁴⁹ См.: Д м и т р и е в с к и й А. А. Архиепископ Елассонский Арсений... С. 29, 197.

⁵⁰ См.: Там же. С. 105—106, 136, 141—142.

⁵¹ См.: Там же. С. 100—101, 106, 111, 113, 115, 125, 132.

⁵² Г р е к о в И. Б. Об идейно-политических тенденциях... С. 348—349. — Благожелательное отношение к Игнатию налицо в послесловии к церковному уставу, переписанному поном Константином в царствование Лжедмитрия I. (См.: С о б о л е в с к и й А. Москва и первый Самозванец. СПб., 1906. С. 6). Можно думать, что это послесловие появилось уже после гибели «расстриги». (См.: Т и т о в А. А. Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахромееву. М., 1907. Вып. 6. С. XII).

⁵³ Г р е к о в И. Б. Об идейно-политических тенденциях... С. 350.

⁵⁴ В сходных чертах этот эпизод освещен в других источниках. См.: Т и х о м и р о в М. Н. Классовая борьба в России XVII в. М., 1969. С. 229; ПСРЛ. Т. 34. С. 248—249. Ср.: Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 134.

силой. Не говорим о том, что захват ее тушинцами явился для Шуйского ощутимым ударом.

В мемуарах Арсений выступает сторонником избрания королевича Владислава на русский престол, объясняет бедствия «междоцарствия» медлительностью и непостоянством Сигизмунда III, не желавшего отпустить сына «на Московское государство». Осуждает Арсений и смолян за стойкую оборону, чем якобы они погубили себя и всю Россию. В Пискаревском летописце не найдем и намеков на это.⁵⁵

Как мы видели, в Пискаревском летописце слово «кир» при упоминании иерархов встречается всего несколько раз. Арсений же употребляет его на каждом шагу и не только в литературных сочинениях, но и в маргиналиях.⁵⁶ Его язык содержит налет «церковности»,⁵⁷ что не присуще летописцу.

Таким образом, сопоставление Пискаревского летописца и мемуаров Арсения никак не позволяет присоединиться к выводу И. Б. Грекова об общности их происхождения.

«Гипотеза имеет ценность в связи с тем, захватывает ли она своим объяснением все подлежащие ей материалы или же только часть материалов», — писал выдающийся советский летописец М. Д. Приселков.⁵⁸ К сожалению, существующие атрибуции Пискаревского летописца не учитывают всего комплекса имеющихся данных и отличаются весьма вольной трактовкой источника. Их критический разбор показывает, что ни Н. Ф. Фофанова, ни тем более Арсения Елассонского нельзя считать создателями крупнейшего летописного произведения начала XVII в.

Вслед за О. А. Яковлевой создателем основного источника заключительной части Пискаревского летописца можно считать московского приказного человека. Впрочем, вывод исследовательницы о близости анонимного публициста к металлургии представляется маловероятным. Ведь в летописце находим всего три лаконичных упоминания об отливке царь-пушки и колоколов (196, 202). Зато мнение О. А. Яковлевой о причастности публициста к строительному делу, думается, справедливо. Летописные известия о строительных работах в Москве и Подмосковье, Казани, Астрахани, Смоленске, Новгороде и Пскове охватывают 1584—1613 гг. и зачастую уникальны. Эти известия особенно многочисленны за период царствований Федора Ивановича и Бориса Годунова. Например, в качестве дополнений к рассказу о времени царя Федора в летописце приведены подряд 10 записей о строительных работах (195—198, 200—203, 207, 215, 220). Вероятно, автор данного летописного источника рассматриваемого памятника служил в приказе каменных дел. По-видимому, он был связан и с Разрядным приказом. Недаром в летописце весьма подробно говорится о военных действиях, смерти при царе Борисе последних представителей трех боярских фамилий, пожаловании М. Г. Салтыкову боярства «для посольства» в Речь Посполитую, основании Царева-Борисова. Можно думать, что публицист участвовал в отражении крымского вторжения 1591 г., походе 1592 г. к Выборгу, встрече в Москве датского королевича Иоганна, т. е. в событиях, о которых он живо рассказал в своем произведении.⁵⁹

⁵⁵ См.: Дмитриевский А. А. Архиепископ Елассонский Арсений... С. 145—146. Ср.: ПСРЛ. Т. 34. С. 212, 215.

⁵⁶ См.: Дмитриевский А. А. Архиепископ Елассонский Арсений... С. 65, а также примеч. на с. 78, 79, 81—83, 86, 94, 102—104, 137, 144 и др.

⁵⁷ См.: Там же. С. 155. — Учтем также, что в мемуарах Арсения даются греческие названия Днепра и Черного моря. (Там же. С. 72, 73).

⁵⁸ Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940. С. 13.

⁵⁹ Существует предположение, что он принимал участие в битве на Восме в 1607 г. (см.: Восстание И. И. Болотникова: Документы и материалы. М., 1959. С. 368, примеч. 133). Однако об этом сражении в летописце говорится лаконично. По-видимому, автор знал о нем по разрядным записям и слухам. Не случайно он замечает, что такой «бой и в древние лета мало, сказывают, бывал».

Не исключено, что к созданию сочинения, легшего в основу оригинальной части Пискаревского летописца, был причастен дьяк Нечай Перфирьев, упомянутый в одной статье памятника в числе строителей смоленской крепости (198) (из документов известно также об участии в сооружении «города» в Смоленске дьяков П. Шпилова и Н. Сорочнева,⁶⁰ но в летописце они не упомянуты). В 1580—1581 гг. Перфирьев служил в Юрьеве Ливонском.⁶¹ В летописце же находим уникальные сведения о назначении А. Ф. Адашева воеводой в Юрьев и его смерти там (181). Перфирьев был участником земского собора, избравшего Бориса Годунова на трон;⁶² в летописце отразились впечатления очевидца первого царского «обиранья».⁶³

Осенью 1603 г. Перфирьев был дьяком в Чернигове, где передавались вести про Лжедмитрия I, а в начале 1605 г. — в Новгороде Северском, где получил от царя Бориса «золотой» за участие в борьбе с войсками Самозванца.⁶⁴ В авторе же летописного повествования о движении «расстриги» допустимо видеть очевидца этих событий, как и иноземной оккупации Москвы (судя по боярскому списку 1610—1611 гг., Перфирьев находился в столице).⁶⁵

⁶⁰ См.: ААЭ. СПб., 1836. Т. 1. С. 450—452; Платонов С. Ф. Подлинное дело о строении города Смоленска // Смоленская старина. Смоленск, 1911. Вып. 1, ч. 2. С. 23—28; Разрядная книга 1550—1636 гг. Т. 2, вып. 1. С. 132; ГПБ, собр. Эрмитажное, № 390, л. 907, 917. — Об участии Перфирьева в возведении «города» в Смоленске см.: Косточкин В. В. Государев мастер Федор Конь. М., 1964. С. 41, 73, 74, 76—77, 84.

⁶¹ См.: Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 406; ПСРЛ. Т. 34. С. 229 и др.

⁶² ААЭ. СПб., 1836. Т. 2. С. 45, 53.

⁶³ См.: Тихомиров М. Н. Российское государство XV—XVII веков. М., 1973. С. 65.

⁶⁴ См.: Акты времени Лжедмитрия 1-го (1603—1606 гг.) / Под ред. Н. В. Рождественского // ЧОИДР. 1918. Кн. 1. С. 5, 7; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII веков. С. 406. — С. Б. Веселовский хотел выяснить, «не одно ли лицо» Нечай Перфирьев с дьяком Нечаем Федоровым. Но еще Н. П. Лихачев показал, что отождествлять их нельзя (Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888. С. 514—515, примеч. 1). Кроме того, оба они значатся в боярском списке 1610—1611 гг. См.: Сторожев В. Н. Материалы для истории русского дворянства. М., 1908. Вып. 2. С. 86.

⁶⁵ Нечай Перфирьев упоминается в источниках до 1613 г., когда он служил в Пушкарском приказе. Его сын Петр, упоминаемый в 1614 г., принимал участие в сражениях с войсками И. И. Болотникова и Лжедмитрия II, Клушинской битве. См.: Акты Московского государства. СПб., 1890. Т. 1. Стб. 127.